

детей, развитие способности соблюдать правила и нормы поведения в окружающем мире; расширяют созидательные возможности дошкольников в труде экологического содержания. В свою очередь, труд на благо природы способствует как углублению у детей экологических представлений, так и развитию эмпатии (сочувствия, сострадания, сопереживания живым существам), позволяет дошкольникам увидеть результат своей помощи живому, почувствовать радость дружеских контактов с миром природы. Поэтому экологическое воспитание дошкольников непременно предполагает единство обогащения их экологических представлений, развития чувств детей в процессе познания природы и включения их в экологическую деятельность.

Литература

1. Каропа, Г.Н. Экологическое образование школьников : ведущие тенденции и парадигмальные сдвиги / Г.Н. Каропа. — Минск : НИО, 2001. — 209 с.
2. Казаручик, Г.Н. Экологическое воспитание детей дошкольного возраста : пособие для педагогов учреждений дошк. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Г.Н. Казаручик. — Минск : Изд. ин-т образования, 2014. — 71 с.

Кризис идентичности личности в период новых информационных технологий

Е.И. Комкова,

*Минский университет управления, г. Минск, Беларусь,
lena-komkova@yandex.ru*

Наш век — Век Информации — можно назвать не только эпохой электронных издательских и автоматизированных систем, но и эпохой искусственного интеллекта. Интеллект однажды стал привилегированной характеристикой человеческого существования. Но, оказывается, мы должны разделить эту честь с новыми устройствами, принесенными нам компьютерной индустрией.

Люди в процессе жизнедеятельности что-то создают и чем-то управляют. Эта мысль является столь же древней, как и наши самые ранние изобретения. Однако не только люди создают предметы, но и предметы формируют людей: копыя и щиты делают воинов; плуги создают фермеров; печать и пресса — издателей и читателей. Какие изменения происходят в отношениях между инструментами и их пользователями при смене культурных или исторических периодов и какие формируют эти отношения? Даже в пределах отдельного контекста эта диалектическая связь предмета и объекта не разворачивается всегда одинаковым образом, поскольку персональное формирование идентичности — отдельный вопрос, так же как и многие права и функциональные обязанности, осуществляемые в процессе работы с машинами.

Депривация как недостаточное удовлетворение каких-либо потребностей имеет много форм, и ее можно охарактеризовать в нескольких словах. В данном контексте используется шаблон, подобный выражению «кризис себя» как кризис идентичности, который основывается на определенной стадии личностного цикла. Кризис — это поворотный момент в жизни индивидуума, который возникает как следствие достижения определенного уровня психической зрелости и социальных требований, предъявляемых к индивидууму на этой стадии. Кризис идентичности — это кризис самоопределения, когда блокируется, затрудняется или изменяется процесс самоосознания и психического развития, обусловленного внешними по отношению к личности причинами, что определяет переход к другому жизненному и психическому состоянию.

Персональная идентичность не является статичной. Она развивается в процессе идентификации: человек формирует себя через имитацию и ассимиляцию других. Обычно роли, которые позволяют процессу идентификации существовать, возникают из физической деятельности и социального значения. В прединдустриальных культурах, например, такие методы как охота, сельское хозяйство, сбор продовольствия, ремесла включают наблюдение за действиями со стороны родителей или других взрослых, которым дети могут подражать, и того, кого они могут моделировать самостоятельно. Индустриальная цивилизация также обеспечивает моделями поведения, включая ручную работу, которая может быть передана от одного поколения к другому. Но в постиндустриальном мире предметный мир стилизован, а участие в формировании идентичности межличностных действий происходит совсем по-другому и часто более проблематично, чем в прошлом.

Близко связанные понятия «Я», «индивидуум» и «субъект», долго являющиеся самыми важными не только в Западном каноне, больше не дают удовлетворительного основания для человеческой идентичности. Западный идеал «автономного индивидуума», понятый как саморазвивающийся и самоопределяющийся человек, остается важным в постиндустриальном заказе. Но идеология этого заказа имеет противоречия, так как подчеркивает и обуславливает адаптацию так же, как независимость и разделение. Эти ценности несколько не связаны между собой в жизни, в которой они реализуются и проявляются. Рассматривая непосредственно себя или других как отдельных индивидуумов, мы ожидаем, что кто-то другой несет ответственность непосредственно за наше собственное самоформирование. Идея, что традиционные роли, данные нашим родом, семьей или связями общества, должны определить, кто мы есть, недолго нас захватывала. Напротив, мы узнаем, что мы, как предполагается, должны буквально созидать себя. Современная культура дает ценности самоопределения и самореализации каждому в обществе через такие каналы, как средства массовой информации и образовательные учреждения: «Вы все можете быть кем хотите».

Но сколько из нас могут соответствовать этому стандарту? Что может означать «самоформирование» или «автономия», учитывая, что многие пути в человеческой жизни институционально координируются в определенном режиме? Учитывая также нашу самореализацию, где моделирование персональной идентичности, как якобы автономной у отдельного и самостоятельного индивидуума не будет обязательно учитывать, будет ли при этом внутренне укрепляться и самообогащаться наша индивидуальность. Традиционный образ самоопределения индивидуума — «строитель себя и Вечной». Эта мысль, впервые выдвинутая драматургом XVII века Пьером Корнельем и ставшая столетиями краеугольным камнем Западной мысли, больше не актуальна. Но если мы отказываемся от такого шаблона индивидуальности, то что заменит его?

Информационные технологии вносят вклад в это затруднительное положение. С одной стороны, огромная мощь и многосторонность наших машин, кажется, обеспечивает наше могущество в мире, в котором мы обитам. С другой стороны, мы становимся запрограммированным обществом, в котором модернизация (планирование, организация и автоматизация) оставляет не большое место для независимого действия или спонтанности со стороны людей.

Дети интересуются технологическими аспектами своей среды. Они имеют разнообразные компьютерно-информационные устройства, которыми они овладевают намного быстрее, чем взрослые. И дети приходят к заключению, что с вещами и предметами намного меньше проблем, чем с людьми. Для таких детей математика и технические науки становятся любимыми и захватывающими, но социально они чувствуют себя «отсталыми», хотя и имеют друзей, разделяющих их интересы в технических вопросах.

Но изоляция и почтенное положение, которое испытывают эти дети, не являются застывшими и окаменевшими. Определенное место в царстве научно-технических исследований — это также место в социальном мире, с которого часто и начинается профессиональная карьера. Это является показателем собственного восприятия возраста. Почти внезапно наука и техника стали очень уважаемыми, фактически божественными, но также внезапно наука и техника потеряли свою ауру святости. Люди обладают ужасно разрушительными возможностями, которым могут служить современные технологии. К сожалению, научная мысль не всегда и пользуется во благо человечества, хотя этим же благом и прикрывается. Эта несправедливость всегда являлись структурными компонентами самосознания и человеческой идентичности. Но несет ли сейчас технический прогресс благо или же является одним из причин кризиса «Я»?

Культурные последствия технологического новшества часто описываются так, как будто они были произведены автоматически — как будто законы природы управляют не только внутренним функционированием машин, но также и социальными процессами, которыми они окружены. Язык технологического детерминизма ясно формулирует наше понимание Эпохи Информации: качественно новые силы производства становятся доминирующими в индустриальных обществах.

Какие изменения будут в постиндустриальную эру, организованную вокруг глобального производства и обработки информации? Какие открытия будут в человеческих социальных отношениях и в самопознании? Могут ли традиционные ценности человеческого общества и семьи, работы и досуга, экономической и психологической безопасности остаться? Если нет, то что заменит их? Технологическое новшество вносит вклад в «кризис себя», который может разрушить современное индустриальное общество.